

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НЕРАВЕНСТВА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ*

М.К. Горшков**

Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

Социальное неравенство рассматривается в статье как ключевая характеристика развития современного общества, а также принципиально важная тематика в становлении социальных наук. С одной стороны, социальное неравенство — это объективный и прогрессивный процесс, без которого успешное (и творческое) развитие общества и индивида вряд ли было бы возможным; с другой стороны, любые формы социальной дифференциации способны порождать радикальные разрывы в ткани социальной жизни, провоцировать социальные конфликты и устойчивые формы общественной дестабилизации. В российском научном дискурсе социальные неравенства и их последствия анализируются с помощью двух ключевых понятий: социально-стратификационная структура (многоступенчатое структурированное социальное пространство, в котором социальные группы различаются по критериям обладания и доступа к власти и собственности и, соответственно, по своему статусу); и социальная страта (социально-экономические группы, занимающие неравные позиции в макро-социальной системе). Автор опирается на множество эмпирических (статистических и социологических) данных, чтобы реконструировать социальную модель современного российского общества, фокусируясь на драматическом разрыве самых бедных и самых богатых групп населения по размерам богатства и уровню доходов, который продолжает увеличиваться, достигнув уже сегодня критических значений; помещая российские данные в международный сопоставительный контекст (нынешнего и оптимального соотношения уровня доходов самых богатых и самых бедных групп в разных европейских странах); обозначая статистические и социологические индикаторы разных аспектов социального неравенства; подчеркивая ярко выраженное региональное измерение социальных неравенств в России; и называя возможные механизмы и способы снижения разных типов социального неравенства, обсуждаемые сегодня в научных изданиях и публицистике. Вторая часть статьи представляет результаты общенационального социологического проекта, реализованного сотрудниками Института социологии, который позволил выделить и иные, чем доходы и уровень жизни, измерения социального неравенства, прежде всего в сфере гендерных отношений и доступе к компьютерным и телекоммуникационным технологиям. Автор приходит к выводу, что высокий

* В основе статьи — доклад автора на V Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (Екатеринбург, 19—21 октября 2016 г.). В статье используются данные социологических исследований, выполненных в Институте социологии РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218).

** © М.К. Горшков, 2016.

уровень социально-экономического и иных типов неравенства в России подтачивает социальный капитал общества и формирует устойчивую «культуру неравенства», порождающую высокий уровень агрессии.

Ключевые слова: социальное неравенство; социологические и статистические данные; массовые опросы; пореформенная Россия; социальная стратификация; региональные различия; социальный капитал; «культура неравенства»

На всех этапах развития социальной науки одной из ключевых проблем, к которым она проявляла пристальное внимание, являлась проблема общественных неравенств. Прежде всего, это объясняется тем, что любой вид неравенства представляет собой специфическую форму общественной дифференциации (1), которая обуславливает различия жизненных условий индивидов и социальных групп, их неодинаковый доступ к экономическим, социальным, политическим, информационным и иным ресурсам, а тем самым — определяет разные возможности удовлетворения ими актуальных и разнообразных по характеру и источникам происхождения потребностей и интересов. А все, что непосредственно связано с реализацией потребностей и интересов людей, всегда представляло особый интерес для исследовательского поля социальной науки и такой ее теоретико-прикладной отрасли как социология.

В современных условиях качественные и количественные различия в реализации жизненных условий и потребностей проявляются, прежде всего, в разных возможностях и степени обладания собственностью, неравенстве получаемого дохода, власти, престижа, уровня образования, социально-профессиональных позиций и видов деятельности. Неудивительно, что последние превращаются, говоря языком современной социологии, в основные категории оценки неравенства. А социальная дифференциация как таковая обретает статус сложного и противоречивого процесса. Ибо, с одной стороны, она являет собой процесс объективный и прогрессивный, вне которого невозможно успешное (творческое) развитие общества и личности, а с другой — способна приводить к резкому социальному расщеплению.

Еще задолго до XIX столетия, когда социология стала приобретать статус самостоятельной отрасли социального знания, такие черты общественных неравенств, «вызревшие» в процессе естественно-исторического развития, как многообразие, неизбежность и привнесенность, допустимость и избыточность, помноженные на их потенциальную способность «провоцировать» рост социальной напряженности, выступать фактором дестабилизации социума, привлекали к исследованию сущности данного феномена внимание представителей различных направлений социогуманитарного знания. В античные времена — это Платон и Аристотель, в последующие эпохи — Макиавелли и Гоббс, Локк и Руссо, Гегель и Дарвин.

Повышенное внимание научного сообщества к проблематике неравенств нашло отражение в социологической литературе. При этом классики «традиционной» (О. Конт, Г. Спенсер), «модернистской» (М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс) и постмодернистской социологии (П. Бурдьё и др.) прямо заявляли о фундаментальности и нерушимости принципа социального неравенства и его высокой функциональной значимости для организации социальных общностей. Видоиз-

менения претерпевают конкретные формы неравенства, сам же его принцип проявляется всегда. Питирим Сорокин, связывавший неравенство с иерархическим строением общества, писал об этом: «И если на какой-то миг некоторые формы стратификации разрушаются, то они возникают вновь в старом или модифицированном виде, и часто создаются руками самих уравнивателей» [13. С. 306]. Он же выделял и ряд причин утверждения устойчивых социальных форм неравенства, расслаивающих общество по вертикали, среди которых: рост численности, разнообразие и разнородность объединившихся людей, необходимость поддержания стабильности группы, спонтанная самодифференциация, функциональное распределение деятельности в сообществе.

Обращение к современным российским источникам демонстрирует, что в отечественном общественном сознании проблемы социальных неравенств, равно как и порождаемых ими последствий, обрели статус научных сравнительно недавно. При этом анализ работ российских ученых позволяет выделить два основных понятия, используемых для изучения отношений неравенства, складывающихся сегодня в России: социально-стратификационная структура — многомерное, иерархически организованное социальное пространство, в котором социальные группы различаются между собой степенью обладания властью, собственностью и социальным статусом; социальные слои (страты) — социально-экономические группы, занимающие различные места в структуре макросоциальной системы, между которыми имеется социальное неравенство.

Опираясь на разработанные теоретические подходы, результаты многолетних эмпирических изысканий, российские ученые стремятся получить наиболее полную картину социальной и стратификационной модели современного российского общества. Акцент в исследованиях делается на новые формы социальной дифференциации и интеграции, социального расслоения; проблемы социально-экономической стратификации населения РФ, включая практики избыточного экономического неравенства, наблюдаемые во всех срезях национальной экономики — по территориям и отраслям промышленности, по доходам, потреблению и сбережениям населения, распределению собственности, по располагаемому человеческому и социальному капиталу и т.п. [17; 19].

Несмотря на очевидное различие в подходах к определению сущности и причин, порождающих социальные неравенства, равно как и неоднозначность трактовки их роли в жизни общества, большинство как отечественных, так и зарубежных экспертов признает факт принципиальной неустранимости и широкой социальной распространенности данного явления. Англо-германский социолог, философ, политолог и общественный деятель Р. Дарендорф замечает по этому поводу: «Даже в процветающем обществе неравное положение людей остается важным непреходящим явлением... Конечно, эти различия больше не опираются на прямое насилие и законодательные нормы, на которых держалась система привилегий в кастовом или сословном обществе. Тем не менее, помимо более грубых делений по размеру собственности и доходов, престижа и власти, наше общество характеризуется множеством ранговых различий — столь тонких и в то же время столь глубоко укорененных, что заявления об исчезновении всех форм неравенства в результате уравнивательных процессов можно воспринимать, по меньшей мере, скептически» [20. С. 3].

Таким образом, вопрос, волнующий не одно поколение обществоведов, активно изучающих неравенства в различных структурных и содержательных аспектах, состоит не в том, можно ли полностью освободиться от разного вида неравенств, а в том, насколько оправданы неравенства, представленные в разных типах обществ? Каковы допустимые границы неравенств в тех или иных сферах общественной жизни? И, конечно: что может предпринять государство в целях минимизации общественных неравенств, выравнивания шансов людей на обеспечение достойного, соответствующего их способностям и устремлениям, бытия? Поставленные вопросы имеют особую актуальность и остроту для постсоветской России, в которой формирование рыночных отношений происходило в условиях глубокого экономического кризиса, эскалации безработицы и удорожания жизни, резкого имущественного расслоения и значительного снижения уровня массового потребления.

1990-е гг. — годы масштабных радикальных реформ, как и порожденные ими значительные социально-экономические издержки, затронувшие — в большей или меньшей степени — все без исключения сферы российского общества, коренным образом изменили жизнь россиян, многие из которых оказались не в состоянии справиться с проблемой адаптации к стремительно обновляющейся общественной среде. Привычный патернализм и ситуация относительного благополучия сменились рыхлой в социальном отношении системой государственного управления, стремящейся освободиться от решения социальных задач в прежних объемах и границах. Как следствие, одной из ключевых характеристик российского общества стал высокий уровень социально-экономического неравенства, проявившийся, в частности, в резком росте децильного коэффициента дифференциации доходов (речь идет о разнице в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных), показатели которого увеличились к 1995 г. сравнительно с предыдущим десятилетием в 4,5 раза (с 3 до 13,5 соответственно). Ситуацию усугубило упорное продолжение радикально либеральных реформ, направляемое далеко не лучшими образцами западной экономической мысли. Обвальная ломка отношений собственности и никем не регулируемая, бесконтрольная приватизация государственного имущества и общенациональных природных ресурсов, по сути дела, открыли шлюзы для ничем не ограниченного и неоправданного роста социальных неравенств. В результате всего за 10—15 лет страна получила огромную дифференциацию в социальном положении различных групп российского населения, а социальные неравенства приобрели как никогда ранее резкие формы.

Обращаясь к данным Федеральной службы государственной статистики, специалисты были вынуждены констатировать: «Социальное неравенство в России ставит новые рекорды». Учитывая результаты исследования «Россиянин в зеркале потребления», представленные в сентябре 2010 г., руководство Росстата вынужденно констатировало: несмотря на то, что за последние двадцать лет население России стало немного богаче, а страна превратилась в государство со средними доходами, в ней произошло резкое расслоение по имущественному признаку [4].

И, действительно, наблюдаемое в России с начала 2000-х гг. увеличение реальных доходов населения, прирост «популяции» сверхбогатых россиян не способствовали благоденствию российского общества в целом. Более того, на фоне обозначенных тенденций разрыв в уровне доходов не только не сокращался, но продолжал расти, достигая критических отметок. Фактически, предкризисные годы (до кризиса 2008—2009 гг.) прошли под негласным лозунгом «экономический рост в пользу богатых». Так, по данным Росстата, разница в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных россиян увеличилась в период с 2000 по 2007 гг. с 13,9 до 16,7 раз [6]. В кризисные годы (2008—2010) показатель децильного коэффициента, как это ни парадоксально, стабилизировался на уровне 16,6 раз, а в последующем, на волне очередного кризиса, несколько увеличился и составил по итогам 2014 года 16,8 раза (см. табл. 1) (3) [14]. И то, что в 2015 г. он сократился до 15,6 раз, говорит не столько о некотором «подтягивании» бедных к среднему показателю, сколько о временном снижении высокодоходной группы по причине двойного роста в кризисной ситуации валютного курса.

Для сравнения: в скандинавских странах (Дании, Финляндии, Швеции) данный показатель составляет 3—4 раза, в Германии, Австрии и Франции варьируется в диапазоне от 5 до 7 раз. Результат красноречив и уже опасен — даже не столько социальным взрывом, как было в России в начале XX в., сопровождавшемся чередой революционных событий, когда децильный коэффициент «зашкалил» за 25, сколько социальной апатией, в условиях которой все больше людей ощущают себя аутсайдерами в этой жизни. По мнению экспертов-экономистов, оптимальным (применительно к данному показателю) является соотношение от 5 до 7. Более того, есть основания полагать, что как только децильный коэффициент достигает значения выше 10 раз, в обществе появляются условия для социальной нестабильности. Это правило не действует разве что в США, где коэффициент держится на уровне 12. Однако там это считается нормальным, поскольку, согласно утвердившейся в американском обществе философии, в собственной бедности виноваты лишь сами бедные.

Таблица 1

Динамика показателей децильного коэффициента неравенства доходов (1995—2015 гг., раз)

Год	Децильный коэффициент
1995	13,5
1998	13,8
2001	13,9
2003	14,5
2005	15,2
2006	15,9
2007	16,7
2008—2010	16,6
2011	16,2
2012	16,4
2013	16,3
2014	16,8
2015	15,6

Анализируя уровень общественных неравенств, зарубежные эксперты обращаются и к коэффициенту Джини — количественному статистическому показателю, характеризующему дифференциацию денежных доходов населения в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного распределения их между жителями страны. По сути, этот коэффициент отражает степень расслоения общества отдельно взятой страны или региона по отношению к тому или иному изучаемому признаку. В России, по информации Росстата, в 2014 г. значение данного коэффициента фиксировалось на уровне 0,416 (при максимальном значении — 1,0 — абсолютное неравенство) [9]. Немаловажно и то, что в отличие от развитых государств Запада, разница в доходах россиян сильно зависит от региона, в котором они проживают. Более того, современная Россия отличается одним из самых высоких уровней регионального неравенства: достаток жителей самого богатого субъекта РФ может в разы превышать аналогичный показатель в беднейшем из них. Нельзя не сказать и о том, что результатом ничем не ограниченной дифференциации доходов, а тем самым — углубления социальных неравенств, становятся фундаментальные потери, среди которых — резкое падение качественного потенциала российского населения, проявляющееся в стабильно отмечаемых с начала 1990-х гг. тенденциях снижения показателей индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). В 2014 г. он составил 0,798 (50-е место в мире) [21]. Для сравнения: ИРЧП в СССР составлял 0,920 (26-е место в мире).

С учетом отмеченных тенденций и фактического положения дел неудивительно, что в нынешних условиях немало дискутируют о том, как должны выглядеть инструменты, механизмы и способы снижения остроты социальных неравенств, какой должна быть наиболее эффективная в нашей стране модель социальной политики — политики, способной удерживать такие масштабы (границы) социальных неравенств, которые бы не превышали неких здравых (социально и научно обоснованных) пределов, выход за которые чреват конфликтами и дезинтеграцией общества. Однако обращает на себя внимание, что подобные дискуссии остаются на периферии публичной сферы. В лучшем случае проблематика неравенств становится предметом дискуссий в экспертной среде, в основном среди экономистов, социологов, политологов. Вот почему среди научных задач, решаемых в ходе реализации программы общероссийских социологических исследований, проводимых на протяжении последнего десятилетия специалистами Института социологии РАН, особым образом выделялся анализ широкого общественного мнения по основным проблемам неравенства в контексте социально-экономической дифференциации, существующей в пореформенном российском обществе. О чем же свидетельствуют полученные результаты?

Прежде всего о том, что мнения населения о неравенствах в российском обществе отражают, пусть и субъективную, но реально существующую в массовом сознании картину — картину явной избыточности социальных неравенств. Достаточно отметить, что лишь 4% россиян считают, что острых и неоправданных неравенств в нашем обществе сегодня нет. Подавляющее же большинство наших

сограждан — причем как бедных, так и небедных — не только фиксирует болезненные неравенства в масштабах общества, но и отмечает, что лично их испытывает.

Какие же социально-экономические неравенства воспринимаются в настоящее время россиянами как наиболее болезненные для общества и лично для них? Социологические данные показывают, что на первом месте с большим отрывом оказывается неравенство доходов, от которого, по мнению наших сограждан, в наибольшей степени страдают сегодня и они сами, и общество в целом (рис. 1).

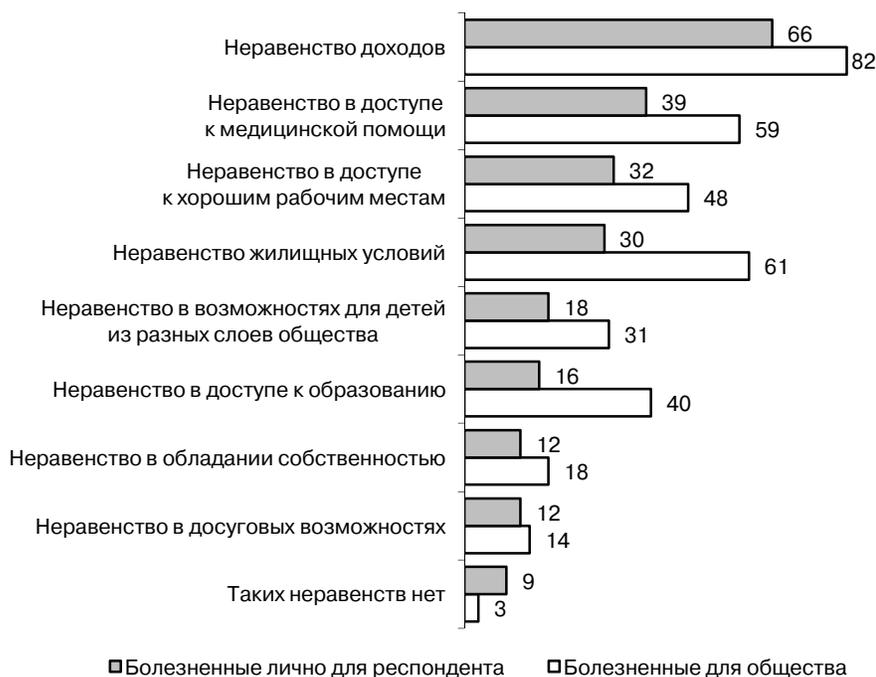

Рис. 1. Мнение россиян о наиболее болезненных для общества в целом и лично для них неравенствах в современной России (%)

Помимо неравенства по доходам, такое же обостренное восприятие относится и к неравенству жилищных условий, доступа к качественной медицинской помощи, к качественному образованию. Не менее чувствительным оказывается для россиян и еще один тип неравенства, связанный с рынком труда — это неравенство в доступе к хорошим рабочим местам. При общем сопоставительном анализе весьма показательно следующее: реакции бедного и небедного населения на самые острые неравенства в контексте их общественной значимости не демонстрируют существенных отличий. Рейтинг наиболее болезненных для общества неравенств практически совпадает среди бедных слоев населения и россиян в целом. А вот что касается мнения россиян относительно тех неравенств, которые болезненны для них лично, то здесь отличия достаточно заметны: бедные россияне чаще заявляют о том, что живут в условиях и неравенства доходов и неравенства в доступе к качественной медицинской помощи, равно как и болезненно переживают неравенства жилищных условий и неравенства в доступе к хорошим рабочим местам, а также неравенства перед законом (правовое неравенство).

В силу того, что большинство россиян остро воспринимает сложившиеся в пореформенной России неравенства, неудивительно, что почти две трети из них (62%) считают, что в справедливом обществе различия в уровне жизни людей должны быть, но не столь существенными, каковы они сегодня есть. Отсюда вполне оправданно следует и запрос населения к государству на сокращение избыточных неравенств. Так, в целом среди российского населения 64% считают, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми. При этом уровень жизни населения на данную позицию практически не влияет (рис. 2).

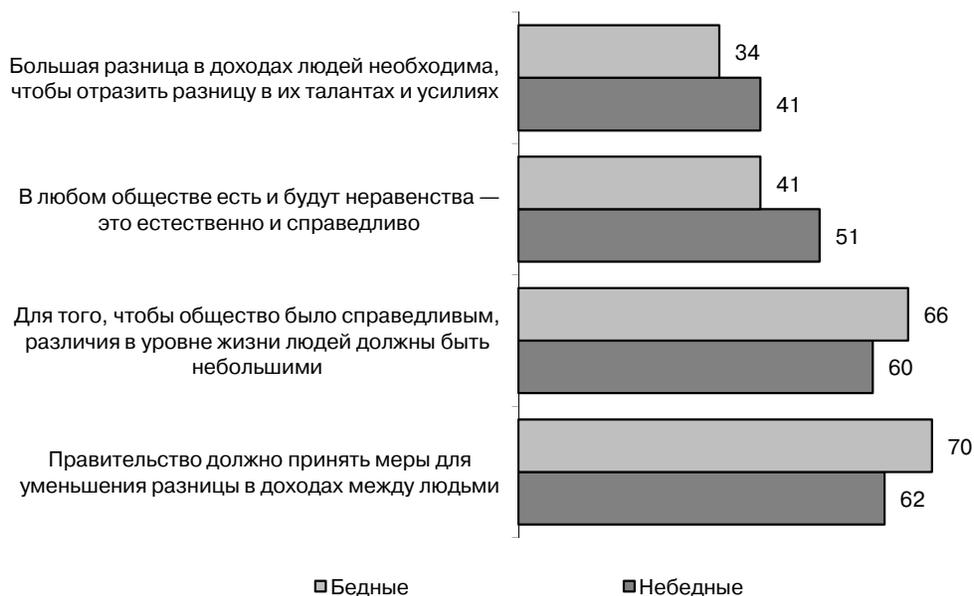

Рис. 2. Представления бедного и небедного населения о неравенствах доходов уровня жизни (%)

Если судить по результатам международного исследования ISSP [22], то российские данные о необходимости принятия правительством мер по сокращению разницы в доходах людей очень близки к показателям по Германии (66%), Великобритании (66%) или Китаю (71%). Так что в данном отношении россияне отнюдь не уникальны и не отличаются какой-то особой тягой к уравниловке. Особняком в этом вопросе стоит позиция американского общества, где совсем иная культура и менталитет населения: там доля сторонников точки зрения, согласно которой правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми, составляет всего 33%. При том, что большинство наших сограждан, причем независимо от уровня материальной обеспеченности, остро воспринимает различные типы неравенств, они допускают все же их существование в обществе, но только тех из них, которые основаны на легитимных, согласно их представлениям, основаниях.

Какие же основания неравенства, по разумению россиян, представляются им легитимными, а тем самым справедливыми? Прежде всего, это более динамич-

ная и эффективная работа — но при условии, когда у всех есть равные возможности доступа к «хорошим» рабочим местам и возможности «заработать». Иначе говоря, наиболее высокую толерантность к неравенству по доходам население проявляет в том случае, если оно связано с большей эффективностью труда. Именно с этим связано согласие 74% россиян с тем, что справедливо, когда те, кто работает быстрее и эффективнее, должны получать зарплату выше даже при формально той же должности. Тем самым эффективность работы оказывается для большинства наших сограждан важнее, чем формальная иерархия позиций в системе производственных отношений. Данный показатель сам по себе многое говорит об отношении россиян к справедливости и ее роли в регулировании общественных отношений, в том числе трудовых.

Большинство россиян согласно также с тем, что различия в доходах справедливы, если у людей существуют равные возможности для их заработка, что вновь подчеркивает преобладающее в массовом сознании стремление жить в обществе равных возможностей, а не в обществе равных доходов. Наконец, еще одно основание для неравенства доходов, которое также представляется трети россиян скорее справедливым — это различия в доходах между людьми с разным уровнем образования. Что же касается различных профессий как основания для разной оплаты труда, то ситуацию, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному, назвали справедливой и несправедливой примерно поровну — соответственно 47% и 53% россиян.

Социологические данные показывают: хотя бедные в целом в меньшей степени согласны с теми или иными основаниями неравенств, в качественном отношении их позиция отражает общую картину по населению в целом, в том числе характерную для небедных россиян (табл. 2).

Таблица 2

**Представления бедных и небедных россиян
о справедливых и несправедливых основаниях неравенств (%) (4)**

Суждения	Бедные: согласны / не согласны	Небедные: согласны / не согласны
Справедливо, что те, кто работает быстрее и эффективнее, получают зарплату больше, чем люди на той же должности, но работающие менее эффективно	67 / 8	77 / 6
Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать	54 / 18	69 / 10
Справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше	55 / 17	64 / 9
Справедливо, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному	39 / 28	49 / 21

Что же касается таких конкретных проявлений неравенств в современном российском обществе, как лучшее жилье, большая пенсия, доступ к качественной медицине и лучшему образованию, то толерантность (справедливо-терпимость) к ним оказывается ниже, чем к тем неравенствам, о которых говорилось выше —

причем не только среди бедных россиян, но и среди населения в целом. Однако при этом готовых принять как справедливую формулу «большие доходы — лучшее жилье» даже среди бедных оказывается заметно больше, чем не готовых к этому (41% и 27% соответственно). Аналогичная ситуация наблюдается и в оценке справедливости большей пенсии у тех, кто имеет более высокую зарплату (38% согласных против 30% несогласных). В то же время практически неприемлемым для большинства россиян является неравенство в доступе к медицинским услугам и к образованию. То, что люди с высокими доходами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества, считают несправедливым 56% россиян. Что же касается возможностей людей с высокими доходами дать своим детям лучшее образование, то ощущение несправедливости подобной ситуации последние испытывают еще чаще — о нем говорят 60% россиян.

Неоднозначное отношение россиян к проблеме доступа к качественному здравоохранению и образованию позволяет сделать весьма примечательный вывод. В самосознании наших сограждан «сталкиваются» общая толерантность к различным типам общественных неравенств как таковых с ценностью равенства жизненных шансов. Например, признание допустимости неравенства доходов с пониманием неизбежности влияния этого неравенства на жизнь людей. Частично подобное столкновение (а можно сказать — конфликт самосознания) находит свое отражение и в том, что практически половина россиян считает, что в наше время трудно судить о том, что справедливо, а что нет (47%), а еще без малого треть населения (29%) затрудняется согласиться или не согласиться с данным утверждением.

С учетом общей важности концепции справедливости в ценностной модели россиян приведенные данные говорят о том, что столкновение нормативных представлений россиян с реальным положением дел (причем как в их личной ситуации, так и в обществе в целом) приводит к внутреннему конфликту и трудностям оценки справедливости тех или иных неравенств. При этом в условиях углубления социальных неравенств, закрытия «социальных лифтов» и растущей нелегитимности различий жизненных шансов представителей разных слоев, выбор в этой дилемме, как показывают исследования, населением страны все чаще делается в пользу несправедливости большинства социально-экономических неравенств. Тем самым под влиянием существующих в стране избыточных и нелегитимных неравенств постепенно меняется система нормативно-ценностных представлений россиян в стержневой области их мировоззрения [5].

Означает ли это рост в обществе антирыночных умонастроений, усиление патернализма или всплеск «законсервированной совковости», как это пытаются порой интерпретировать? Нет, не означает. Так, даже в вопросе об отношении к неравенствам в доступе к услугам здравоохранения и образования россияне в целом неоригинальны. Например, в Германии 13% населения (что даже меньше, чем в России) сочли неравенства в доступе к медицинским услугам справедливыми, а 72% — несправедливыми. Для неравенств в сфере образования эти показатели составили 10% и 75%, соответственно. Еще ниже толерантность к неравен-

ствам в доступе к базовым социальным услугам во Франции (3% и 86% по отношению к медицинским услугам и 8% и 74% по отношению к образованию) [22].

Отдельно следует затронуть еще одну важную проблему — отношение к неравенствам работающих бедных россиян. Социологические данные показывают, что толерантность работающих россиян к неравенству по доходам оказывается ниже, чем среди неработающих. Среди них меньше и согласных с тем, что более эффективный и усердный труд, а также образование или профессия могут являться справедливым основанием для дифференциации дохода.

Получается, что именно работающие россияне наиболее остро переживают свое положение, и, не ощущая справедливой связи между упорным трудом и честной работой, с одной стороны, и улучшением своего положения, с другой, острее воспринимают весь спектр проблем, относящихся к неравенствам вообще и к конкретным их проявлениям. Отсюда — возможно, жесткий, но обоснованный диагноз: острое ощущение работающим населением несправедливости всего происходящего является негативным индикатором, который указывает на процессы разрушения трудовой мотивации и потенциальные источники социально-экономической нестабильности. Кроме того, это означает, что существующие в стране неравенства в большей степени не принимают именно те, кто оценивает их исходя не столько из своей ценностно-нормативной модели (как, например, неработающие пенсионеры), сколько из реально сложившейся в обществе ситуации, которая не воспринимается ими как справедливая. В этом вновь проявляется конфликт между характерной для россиян нормативной моделью общества с разумными по масштабам и глубине неравенствами, основанными на справедливых основаниях, и ее практической реализацией в современной России. Приходится констатировать, что для этой модели стали характерной повседневностью избыточные, не имеющие легитимных оснований в глазах населения неравенства и отсутствие прямой связи между личными усилиями человека и его положением в обществе. Именно работающие россияне, отталкиваясь от данной реальности, начинают менять и характерные для российской культуры в целом нормативно-ценностные представления о том, что справедливо сегодня в нашем обществе, а что нет.

Обращаясь к проблеме общественных неравенств, было бы опрометчиво не обратить внимание на то, что в ходе исторического развития их различные виды эволюционировали, менялись в сторону усложнения форм собственного проявления. Закономерным образом претерпевали изменения и основания, их детерминирующие. В результате, в современных условиях неравенства (равно как и наиболее глубокие и масштабные их манифестации) воспринимаются, главным образом, как итог действия социальных факторов (уклад жизни, разделение труда, социальные роли и т.п.), а сами они «складываются» в неравенства экономические, социальные, политические и др., неразрывно связанные с различными основаниями дифференциации людей в обществе, их жизненными возможностями.

Однако социальные практики свидетельствуют, что не все так однозначно. На это указывает хотя бы существование (а в некоторых «крайних» случаях

и процветание) в современных социумах отдельных видов общественных неравенств, уходящих корнями в эпоху, казалось бы, давно минувшую: в период, когда социальная дифференциация в обществе предопределялась, прежде всего, социально-демографическими статусами индивидов. Речь идет об их принадлежности к тем или иным половым, возрастным, расовым и т.п. общностям. Таковым является, в частности, *неравенство гендерное* — характеристика социального устройства, согласно которой различные социальные группы (в данном случае — мужчины и женщины) обладают устойчивыми различиями и вытекающими из них неравными возможностями в обществе (5).

Как известно, издавна гендерные отношения покоились на экономическом, социальном и политическом превосходстве мужчин. При этом до определенного момента времени различия полов в обладании престижем и властными полномочиями, произраставшие из врожденных качеств, принимались как должное. Индустриализация сравнивала функциональную значимость половых различий, поставив под сомнение саму неизбежность их существования в целом. В наши дни, благодаря становлению и развитию институтов гендерного равенства (законодательных, структурных и организационных, представленных различными общественными нормами, диктующими необходимость гендерного просвещения или отказ от гендерных стереотипов) женщины формально получили равные с мужчинами права. Общество юридически оформило и узаконило их равенство и всячески стремится закрепить и развить его. Женщины в подавляющем большинстве заняты в общественном производстве, причем командные, ключевые посты занимают отнюдь не единицы: сегодня женщина-инженер, женщина-ученый, женщина-руководитель, — явление обычное, будничное.

Постепенно нивелируется значимость одной из главных причин, державших женщину в подчинении у мужчины, — экономическая зависимость. Зачастую современная женщина зарабатывает столько же, а то и больше, чем мужчина. Как следствие, в таких семьях муж не является основным или даже единственным кормильцем (6). И, тем не менее, структура современного общества до сих пор остается весьма патриархальной. Как следствие, проблема гендерного неравенства, в той или иной степени, свойственна большинству стран мира, в том числе развитым. В чем это проявляется на практике? Прежде всего в том, что именуется «гендерным перекосом» в статистике зарплаты, карьерном росте, доходах, «благодаря» которому женщины оказываются в худшем, нежели мужчины, положении. В целом анализ и статистических, и социологических данных позволяет прийти к неутешительному выводу: в пореформенной России гендерные стереотипы «пронизывают» все общественные отношения (сферу занятости, политику, отношения в семьях и пр.). В каком-то смысле гендерное неравенство даже «оправдывается» традиционным взглядом российского социума: сексизмом, признающим превосходство мужчин над женщинами.

Научного внимания заслуживают не только те виды неравенств, которые косятся в «донашенской эре» человеческого развития, но и принципиально новые для современной жизни виды общественных неравенств. К ним, несомненно,

относятся так называемые цифровые неравенства, возникающие в российском обществе вследствие вполне объективного и позитивного по направленности процесса превращения России в социум информационного типа или общество знаний. Последнее, по сути, олицетворяет собой следующую ступень развития человечества, в контексте которой главной ценностью, определяющей благосостояние как отдельных людей, так и целых государств, становятся не столько материальные блага, сколько своевременная и легкодоступная информация, а точнее — знания, полученные с ее помощью.

Еще четыреста лет назад английский философ Ф. Бекон заметил: «Кто владеет информацией — владеет миром». В наши дни, когда объем знаний удваивается на планете каждые пять лет, его слова актуальны как никогда. В условиях современности «обладать знанием» — значит уметь быстро ориентироваться в потоке новой информации, легко отыскивая в хранилище знаний необходимые сведения. При этом важно, чтобы затраты на поиск нужной информации не превышали экономическую выгоду от ее использования. Справиться с этой задачей под силу лишь компьютерам — своеобразным «усилителям» человеческого разума и памяти, главным инструментам хранения и передачи данных.

Ключ к успеху в информационном обществе — доступ к компьютерным технологиям и телекоммуникациям, а также правильное их использование. Феномен зависимости успеха человека от его отношения к компьютерной и телекоммуникационной революции получил название «цифровой барьер» или «цифровой разрыв» (в англоязычной литературе — Digital Divide). С ним связана и проблема «цифрового неравенства», суть которой состоит в следующем: возможности, предоставляемые современными цифровыми технологиями, поистине огромны, но пользоваться ими для достижения своих социальных и экономических целей может лишь небольшой процент населения Земли. А это означает, что в эпоху информационного общества «цифровое неравенство» становится одним из важнейших факторов деления людей на богатых и бедных. Так, еще в 1997 году Программа развития ООН ввела новое измерение бедности — информационное, определяющее возможность доступа к информационной магистрали широких слоев населения.

Эксперты единодушны во мнении: к беспрецедентному социальному расслоению в России прибавилось новое измерение — неравенство населения в отношении к современным информационным технологиям, создающее новые маргинальные слои, лишенные доступа в современный мир коммуникаций. «Цифровая бедность» оставляет миллионы россиян без возможности общения, получения образования, медицинской помощи, необходимых информационных услуг. Превращение информации из общественного блага в благо частное становится дополнительным фактором нестабильности, особенно опасной в период затянувшейся трансформации общества. Главный же риск заключается в том, что в России возникает «двухслойное общество», в котором только часть населения имеет доступ к современным технологиям, умеет их использовать и получает от этого преимущества. Получается, что общественные неравенства, традиционно прояв-

ляющиеся резким контрастом между центром и периферией, дополняются и усиливаются «цифровым неравенством». Имеется в виду, что «информационная роскошь» мегаполисов, где доступны все современные средства телекоммуникаций тем более очевидна на фоне российской глубинки, которая зачастую полностью отрезана от каких бы то ни было средств связи. Таким образом, территориальный или поселенческий фактор обретает статус одного из важнейших факторов информационного неравенства в РФ.

В заключение следовало бы выделить главное: довольно высокий уровень, причем не только по национальным, но и по международным критериям, существующих в России социально-экономических и иных видов неравенств, усугубленный падением основных комплексных индексов развития, подрывает социальный капитал российского общества, формирует устойчивую «культуру неравенства», которая характеризуется повышенными показателями агрессивности и низкой сплоченности. Бросая вызов современной России, тормозя системную модернизацию, развитие экономики, блокируя ее переход к инновационной стадии, социальные неравенства усугубляют поляризацию общества, порождают апатию и пассивность определенных слоев населения, а носителей радикальных умонастроений подталкивают к нелегитимным формам протеста и политическому экстремизму. Больше того, как показывают не только исследования, но и повседневные практики, избыточные неравенства с особой силой в России разрушают нравственные устои общественного единения, создают климат конфронтационности и нетерпимости, препятствуют достижению национального согласия, порождая при этом разрыв между обществом и властью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Социальная дифференциация — подразделение общества на элементы, предполагающее разграничение и специализацию составных частей социального организма, появление новых структур, статусов и ролей. Впервые данный термин ввел в оборот Г. Спенсер, стремившийся описать с его помощью процесс появления функционально специализированных институтов и разделения труда.
- (2) Наряду с данными официальной статистики, существуют и неофициальные данные, чаще всего получаемые методом массовых опросов. Согласно им, фактический децильный коэффициент составлял в 2013 году — 28—30 раз. В Москве же данный показатель вообще зашкаливает: в иные годы он составлял 40 и более раз.
- (3) В таблице не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также те, кто затруднился с ответом.
- (4) Факт существования и проблемы, порождаемые гендерным неравенством, были осознаны исследователями благодаря появлению в 1980-е гг. понятия «гендер», отличавшегося от традиционного понятия «пол» и ставшего основой феминистской концепции [12].
- (5) Социологические исследования, проводимые в наши дни, показывают интересную картину: большинство респондентов чаще всего определяет свою семью как семью, в которой не выделяется ее глава. Это дало повод демографам ввести новое понятие — «биархат». В отличие от матриархата, когда главенствовала женщина, и патриархата с его абсолютной властью мужчины наступил период эгалитарной семьи, в которой партнеры — муж и жена — равноправны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Академия, 2001.
- [2] *Голенкова З.Т.* Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: ИС РАН, 2000.
- [3] *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003.
- [4] *Зиненко И., Власова И.* Социальное неравенство в России ставит новые рекорды // URL: <http://newsland.com/news/detail/id/563868>.
- [5] *Мареева С.В.* Идея справедливости в портрете общества, о котором мечтают россияне // О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. С. 54—76.
- [6] *Миловзоров А.* Мир снова становится биполярным // URL: <http://www.utro.ru/articles/2008/04/07/728835.shtml>.
- [7] Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 2008.
- [8] *Радаев В.В.* Социальная стратификация. М.: Аспект-пресс, 1996.
- [9] Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/povert.
- [10] Россия — новая социальная реальность: Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004.
- [11] *Руткевич М.Н.* Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004.
- [12] *Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетей, 2001. С. 405—436.
- [13] *Сорокин П.А.* Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- [14] *Тарлавский В.* Богач, бедняк // URL: <http://www.eg-online.ru/article/275745>.
- [15] *Тихонова Н.Е.* Русские горки (изменения в социальной структуре России в посткоммунистический период) // Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Под ред. Е.Б. Шестопаля, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: Изд-во Московского университета, 2015. С. 200—233.
- [16] *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
- [17] *Шевяков А.Ю.* Мифы и реалии социальной политики. М.: ИСЭПН РАН, 2011.
- [18] *Шевяков А.Ю.* Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 4. С. 304—331.
- [19] *Шевяков А.Ю.* Социальная политика и реформирование распределительных отношений // Вестник РАН. 2007. Т. 7. № 3. С. 195—210.
- [20] *Dahrendorf R.* On the origin of inequality among mMen // The Logic of Social Hierarchies / Ed. by E.O. Laumann, P.M. Siegel, R.W. Hodge. Chicago, 1971.
- [21] Human Development Index and its Components // Human Development Report 2015: Work for Human Development // URL: <http://report.hdr.undp.org>.
- [22] International Social Survey Program: Social Inequality IV — ISSP 2009 // URL: <http://zacat.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zacat.gesis.org/obj/fStudy/ZA540>.

SOCIAL INEQUALITIES IN POST-REFORM RUSSIA: A SOCIOLOGICAL DIAGNOSIS*

M.K. Gorshkov**

Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article considers social inequality as a key feature of the development of the contemporary society and social sciences. On the one hand, it is an objective and progressive process without which successful (creative) development of society and individual is impossible; on the other hand, it may lead to dramatic social stratification, provoke a growth of social tensions, and destabilize society. In the Russian scientific discourse the social inequalities and their consequences are explained with the help of two concepts — social-stratification structure, i.e. a multidimensionally organized social space in which social groups differ in terms of possession of power, property and social status; and social strata, i.e. social-economic groups occupying different and unequal places in the macro-social system. The author uses a wide range of empirical (statistical and sociological) data to present the picture of social model in the contemporary Russian society focusing on the dramatic stratification in terms of wealth and the income gap (the decile ratio) widening to a critical mark; interpreting the Russian data in the international context (the current and optimum decile ratio in different countries); identifying statistical and sociological indicators for measuring different aspects of social inequality (for instance, the differentiation of incomes as the deviation of the actual income distribution from absolutely equal); emphasizing regional differences in social inequalities in Russia; and discussing possible mechanisms and means of mitigating social inequalities. The second part of the article presents the results of the national sociological research conducted by the experts of the Institute of Sociology and underlies some other dimensions of social inequalities as gender relations and an access to modern computer technologies and telecommunications and their correct use. The author concludes that the high level of social-economic and other types of inequalities in Russia undermines the social capital of the society and forms an enduring “culture of inequality” which is marked by a high level of aggression and a low level of cohesion.

Key words: social inequality; sociological and statistical data; mass surveys; post-reform Russia; social stratification; regional differences; social capital; ‘culture of inequality’.

The problem of social inequalities has been a key focus of attention at all the stages in the development of social sciences. The main reason is that any type of inequality is a distinct form of social differentiation, which accounts for differences in the living conditions of individuals and social groups, different access to economic, social, political, information and other resources, thus defining different opportunities for meeting their needs and interests that may differ widely in their character and origin. Everything that is connected with meeting people’s needs and interests has at all times presented special interest for social research and for sociology which is its theoretical underpinning.

Nowadays qualitative and quantitative differences of living conditions and needs manifest themselves primarily in different opportunities and scale of possession of property, inequalities in income, power, prestige, education, social and professional positions and types of activity. Not surprisingly, these are, to use the sociological language, the main categories in assessing inequality. Social differentiation as such becomes a com-

* The article is based on the author’s presentation at the V All-Russia Sociological Congress “Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice” (Yekaterinburg, 19—21 October 2016). The research was supported by the Russian Science Fund (project № 14-28-00218).

** © M.K. Gorshkov, 2016.

plex and contradictory process. On the one hand, it is an objective and progressive process without which successful (creative) development of society and the individual is impossible; on the other hand, it may lead to dramatic social stratification.

Such features of social inequalities that grew out of the natural historical development as diversity, inevitability and exogeneity, admissibility and redundancy coupled with their potential of provoking a growth of social tensions, and destabilizing society had attracted representatives of various areas of social sciences and humanities to the essence of this phenomenon long before the 19th century, when sociology began to acquire the status of an independent area of social knowledge: in Antique times — Plato and Aristotle, later — Machiavelli and Hobbs, Locke and Rousseau, Hegel and Darwin. The attention of the scholarly community to the inequalities was most notably reflected in the sociological literature. The classics of “traditional” (Auguste Comte, Herbert Spencer), “modernist” (Max Weber, Pitirim Sorokin, Talcott Parsons) and post-modernist sociology (Pierre Bourdieu and others) declared the principle of social inequality and its great functional significance for organizing social communities to be fundamental and unassailable. While specific forms of inequality change, the underlying principle is manifested always. Pitirim Sorokin who associated inequality with the hierarchic structure of society, wrote: “If for a moment some forms of stratification are eliminated they re-emerge in the old or modified shape, and are often created by the hands of the advocates of equality themselves” [13. P. 306]. He identified a number of reasons for the endurance of social forms of inequality that stratify society vertically including: the growing numbers, diversity and heterogeneity of people who form communities, the need to maintain group stability, spontaneous self-differentiation and functional distribution of activities in a community.

One can observe that in the Russian social sciences the social inequalities and their consequences have gained scientific status fairly recently. The analysis of the works of Russian scholars reveals two main concepts used to study the relations of inequality emerging in Russia today: social-stratification structure, i.e. a multidimensionally organized social space in which social groups differ in terms of possession of power, property and social status; social strata, i.e. social-economic groups occupying different and unequal places in the macro-social system. Proceeding from theoretical premises and the results of many years of empirical studies Russian scholars seek to obtain the fullest possible picture of social and stratification model of the contemporary Russian society. The studies focus on new forms of social differentiation and integration and social stratification; the features of the social-economic stratification of Russia’s population including the practices of excessive economic inequality observed in all ‘sectors’ of national economy, i.e. by territory, income, consumption and savings, property distribution, disposable human and social capital, etc. [17; 19].

Despite obvious differences in the approaches to defining the essence and causes of social inequalities, and the conflicting interpretations of their role in society, the majority of experts in and outside Russia believe that the phenomenon is endemic and cannot be eradicated in principle. The British-German sociologist, philosopher, political scientist and public figure Ralf Dahrendorf remarked that even in a prosperous society

unequal position of people remains an important and intransient phenomenon. Of course, these differences no longer stem from overt violence and legal norms that sustained the system of privileges in the societies of castes and estates. Even so, in addition to crude differentiation as to the size of property and incomes, prestige and power, our society is characterized by a multitude of differences that are so subtle and yet so deeply rooted that the claims that all forms of inequality will disappear as a result of equalizing processes should be met with skepticism at least [20. P. 3].

Thus an important question for many generations of social scientists who studied inequalities from various structural and substantive perspective was not whether it is possible to totally get rid of various inequalities, but how justified are the inequalities in different types of societies? What are the admissible limits of inequalities in various spheres of social life? And what can the state do to minimize social inequalities, equalize people's chances of having a decent life that corresponds to their abilities and aspirations? These questions are particularly relevant and pressing in post-Soviet Russia where the market was introduced under the deep economic crisis, escalation of unemployment and cost of living, a dramatically increased gap between rich and poor and a significant drop in the level of mass consumption.

The 1990s witnesses radical reforms at the high social-economic price which affected to varying degrees all spheres of Russian society, dramatically changed the life of the Russians many of whom proved to be unable to adapt to the rapidly changing social environment. The habitual reliance on the "nanny state" and the situation of relative well-being was replaced with a socially amorphous governance system, which sought to drop its obligations to address social tasks to the same extent and within the same limits as before. As a consequence, one of the key characteristics of the Russian society happened to be the high level of the social-economic inequality determined by the sharp growth of the decile ratio of income differentiation (the income difference between the top 10% and the bottom 10%), which by 1995 had increased 4.5 times on the previous decade (from 3 to 13.5 respectively). The situation was worsened by the pursuit of radical liberal reforms inspired by not very felicitous examples of the Western economic thought. The avalanche-like destruction of property relations and unregulated and uncontrolled privatization of state property and national natural resources opened the floodgates for an unbridled and unjustified widening of the social gap. As a result, within a mere 10—15 years the country faced huge social differentiation within various groups of the Russian population and unprecedented social inequalities.

Based on the Federal Statistical Service data experts had to conclude that "social inequality in Russia is breaking new records." According to the results of the study "Russians through the mirror of consumption" (September 2010) the Federal Statistical Service admitted that although the Russian population has grown much richer over the past twenty years and the country has joined the medium-income group it also witnessed a dramatic stratification in terms of wealth [4]. And indeed, the growth of real incomes in Russia since the 2000s and the growth of the group of super-rich Russians did not lead to the well-being of the Russian society as a whole. Moreover, under the above mentioned trends the income gap, far from diminishing, continued to widen

towards a critical mark. The years preceding the 2008—2009 crisis passed under the tacit slogan of “economic growth in favor of the rich.” According to the Federal Statistical Service, the gap between the incomes of the top 10% and the bottom 10% of Russians increased from 13.9 to 16.7 times from 2000 to 2007 [6].

Paradoxically, in the crisis years (2008—2010) the decile ratio stabilized at 16.6 times before increasing to 16.8 times at the end of 2014 under another crisis (Table 1) (3) [14]. The fact that it dropped to 15.6 times in 2015 indicates not that the poor pulled themselves up a bit to approach the mean value, but rather a dip in the wealth of the high-income group due to the doubling of the currency exchange rate due to the crisis.

Table 1

**Dynamics of decile ratio of income inequality
(1995–2015, times)**

Year	Decile ratio
1995	13.5
1998	13.8
2001	13.9
2003	14.5
2005	15.2
2006	15.9
2007	16.7
2008–2010	16.6
2011	16.2
2012	16.4
2013	16.3
2014	16.8
2015	15.6

This ratio in the Scandinavian countries (Denmark, Finland, Sweden) is 3—4 times and in Germany, Austria and France it varies within the range of 5 to 7 times. The results send an eloquent and dangerous message, however the danger is not so much in a social upheaval as happened in Russia in the early 20th century triggering a series of revolutionary events and sending the decile ratio to 25 times, as in social apathy when more and more people feel to be outsiders. According to economics experts, the optimum ratio is between 5 and 7 times. Indeed, there are grounds for saying that as soon as the decile ratio exceeds 10 the conditions for social instability appear. The rule though does not apply to the USA where the ratio hovers around 12 and considered to be normal, because according to the prevailing American philosophy the poor are themselves to blame for their poverty.

Considering the level of social inequalities foreign experts turn to the Gini coefficient, a quantitative statistical indicator for measuring the differentiation of people’s incomes as the deviation of the actual income distribution from absolutely equal (among all citizens). The coefficient reflects the stratification of the country or region in accordance with certain features. In Russia it was 0.416 in 2014 (the maximum value of 1.0 corresponds to absolute inequality) [9].

It has to be noted that unlike developed Western countries the gaps in the incomes of Russians vary greatly from region to region. Russia has one of the highest levels of regional inequality: people in the richest region can be times better off than

those in the poorest. Such an unlimited differentiation of incomes and the deepening of social inequalities lead to fundamental losses including a sharp drop of the quality of the population as witnessed by the steady decline of the Human Development Index (HDI) since the 1990s. In 2014, it was 0.798 (50th place in the world) [21] while in the USSR — 0.920 (26th place in the world).

Considering the above-mentioned trends and the actual state of affairs no wonder that much of the discussion focuses on mechanisms and means of mitigating social inequalities, and the most effective social policy for our country that can keep social inequality within the boundaries that do not exceed certain sound (socially and scientifically grounded) limits which, if exceeded, are fraught with conflicts and disintegration of society. However, such discussions remain on the periphery of the public domain. At best the problems of inequalities are discussed by the expert community, mainly by economists, sociologists and political scientists. That is why one of the tasks in the national sociological research program pursued by experts of the Institute of Sociology was to conduct an analysis of the public opinion on the problems of inequality in the context of social-economic differentiation in the post-reform Russian society. The results of this research are as follows:

First, people's opinions about inequalities in the society reflect an admittedly subjective but real picture of obviously excessive social inequalities: only 4% of Russians believe that there are no unjustified inequalities in the society today; an overwhelming majority — both poor and not poor — do not notice the painful inequalities at large, but personally experience them. What socio-economic inequalities are perceived by Russians as the most harmful for society and for them personally? The data show that the biggest complaint is income inequality which harms them personally and society as a whole (Table 2).

Table 2

Harmful inequalities

	Inequalities	Personally	For society
1	Income inequality	66%	82%
2	Inequalities of access to medical care	39%	59%
3	Inequalities of access to good jobs	32%	48%
4	Inequality of housing conditions	30%	61%
5	Inequalities of opportunities for children	18%	31%
6	Inequality of access to education	16%	40%
7	Inequality of property ownership	12%	18%
8	Inequality of leisure opportunities	12%	14%
9	There are no inequalities	9%	3%

Along with income inequality people are sensitive to inequality in housing conditions, access to quality medical care and quality education. Another type of inequality that Russians feel strongly about is at the labor market, that is, unequal access to good jobs. The comparative analysis shows that the reactions of poor and well-off people to the most salient kinds of inequalities in terms of their social significance do not show any substantial differences. The ranking of inequalities that are most painful for society are practically the same for the poorest strata and average Russians. By contrast, the opinions of Russians on inequalities that affect them personally reveal noticeable differ-

ences with poor Russians complaining more frequently about inequality of income, access to quality medical care, good housing conditions and good jobs, and about inequality before the law (legal inequality).

The majority of Russians are acutely aware of the inequalities in the post-reform period, that is why is not surprising that nearly two-thirds (62%) believe that although differences in living standards in a just society exist they cannot be as huge as today. No wonder people expect the state to deal with the excessive inequalities: 64% believe that the government must take measures to bridge the gap in incomes, and this opinion is shared by rich and poor people alike (Table 3).

Table 3

What people think about income and living standards inequalities (%)

	Estimates	Poor	Not poor
1	A big difference of incomes is necessary to reflect the differences of talents and effort	34%	41%
2	There are and will always be inequalities in any society, it is natural and fair	41%	51%
3	In a just society differences in people's living standards should not be too great	66%	60%
4	The government must take measures to narrow the gaps in incomes	70%	62%

Judging by the results of the international study [22], the proportion of Russians who think the government should take measures to narrow the gap in incomes is not much different from the similar indicators in Germany (66%), the UK (66%) or China (71%). The Russians in that respect are not unique and do not exhibit an excessive inclination for universal equality. A different attitude prevails in the US society where culture and mentality are different: only 33% think that the government should take measures to diminish income gaps.

While the majority of our citizens, regardless of their material status, react sharply to various types of inequalities, they admit that inequalities in society must exist, but only if there are legitimate grounds for them. What are the grounds for inequality that Russians consider to be legitimate and therefore fair? First, dynamic and efficient work provided there is equal access to “good” jobs and opportunities “to earn.” In other words, people display greater tolerance to income inequality if it is the result of more efficient work. That is why 74% of Russians agree that it is fair for those who work faster and more efficiently to be paid more, even if their formal position may be the same. Thus, efficient work is more important than the formal hierarchy, and this indicator explains the attitude of Russians to justice and its role in regulating social relations, including labor relations.

The majority of Russians also believe that income differences are fair if people have equal opportunities to earn, which again indicates that people want to live in a society of equal opportunities and not a society of equal incomes. Finally, another justification of income inequality is that one-third of Russians consider as largely legitimate the differences of income between people with different education levels. Differences of professions as grounds for differences of income are considered both fair and unfair (47% and 53% respectively).

The opinion polls show that although the poor are on the whole less inclined to agree with various grounds for inequality, qualitatively speaking their position reflects the general picture for the population including well-off Russians (Table 4).

Table 4

What Russians think about fair and unfair grounds for inequalities (%) (4)

Proposition	Poor: agree / disagree	Not poor: agree / disagree
It is fair that those who work faster and more efficiently are paid more than people in the same position who work less efficiently	67 / 8	77 / 6
When some people have more money than others it is fair if they had equal opportunities to earn	54 / 18	69 / 10
It is fair that those who have a higher level of education earn more	55 / 17	64 / 9
It is fair for people in different professions to be paid differently	39 / 28	49 / 21

To such manifestations of inequalities as better housing, higher pensions, access to quality healthcare and education people are less tolerant, and this applies not only to poor Russians, but also to the population in general. However, the formula “big incomes — better housing” is accepted by more people, even the poor, than rejected (41% and 27% respectively). The situation is similar in assessing the fairness of larger pensions for those who have higher salaries (38% agree and 30% disagree). At the same time, the majority of Russians consider unacceptable unequal access to medical services and education. 56% consider it unfair when people with higher incomes have access to the higher quality medical service; 60% consider unfair that people with higher incomes buy a better education for their children.

The controversial attitude of Russians to the access to quality health service and education suggests an interesting conclusion: in the Russian public opinion, tolerance to various types of social inequalities contradicts the value of equal opportunities. For example, Russians tolerate income inequality while recognizing that it inevitably influences people’s lives. To some extent this contradiction (a conflict of self-consciousness) is reflected in the fact that about a half of Russians believe that nowadays it is hard to tell what is fair and what is not (47%), and about a third (29%) find it hard either to agree or disagree with that proposition.

Considering the concept of justice as important for the Russian system of values the above data show that the clash of normative ideas with the real state of affairs (both in personal lives and in society as a whole) leads to an inner conflict and to problems in qualifying various inequalities as fair or unfair. Considering the deepening social inequalities, the shut-down of “social lifts” and growing illegitimacy of differences in the opportunities of various social strata, people increasingly tend to consider the majority of social-economic inequalities unfair. Thus, under the excessive and illegitimate inequalities the system of normative and value perceptions of Russians in the pivotal area of their worldview gradually changes [9]. Does it signify the general growth of anti-market sentiments, paternalism or a revival of Soviet-era attitudes? No, it does not for even on the unequal access to healthcare and education the Russians are much different from other nations. For example, in Germany 13% (less than in Russia) consider inequalities of access to medical services fair, while 72% consider them unfair; for the education 10% and 75% respectively. In France, there is even less tolerance to inequalities of ac-

cess to the basic social services (3% and 86% for medical services and 8% and 74% for education) [22].

Another important problem is the attitude of poor working Russians to inequalities. The opinion polls show that working Russians are less tolerant than non-working ones to income inequality: fewer of them agree that more efficient and diligent work, as well as education and profession, can be fair grounds for different incomes. The working Russians are most keenly aware of their plight and, not seeing a fair link between hard work and improvement of their position, are most unhappy about the whole spectrum of problems with inequality in general and its concrete manifestations. Hence, a harsh but justified diagnosis: a keen awareness of the working population of the injustice around them is a negative sign of the erosion of labor motivation and a potential source of the social-economic instability. Furthermore, it means that the inequalities are resented more by those who assess them not so much in terms of their values and norms (like non-working pensioners, for example) as in terms of the real situation in society which they perceive as unfair. This is another manifestation of the conflict between the Russian normative model of society with inequalities that are reasonable in scale and depth and legitimate, on the one hand, and its practical implementation in present-day Russia, on the other hand. This model is marked by excessive inequalities that have no legitimate grounds in the eyes of the population and lack the direct connection between people's efforts and their position in society. The working Russians in such realities begin to change the normative and value attitudes towards Russian culture and their ideas of what is and what is not fair in the society.

Considering social inequalities we should note that its various types have evolved over history manifesting in more and more complex forms, and, accordingly, the grounds determining them have been changing. As a result, under the today's conditions inequalities (and their most profound and large-scale manifestations) are perceived largely as a combined result of various social factors (life style, division of labor, social roles, etc.) for inequalities transfer into economic, social, political and other varieties that are inseparably bound with various factors of differentiation in the society. However, social practices show that things are not as simple as may seem. One indication of this is the existence (and in some extreme cases flourishing) in some social groups of certain types of social inequalities that seem to be rooted in an era long gone by: when social differentiation was determined primarily by the social-demographic status. I am referring to belonging to certain gender, age, race and other communities. One such inequality is gender inequality, a social system in which various social groups (men and women) are considered inherently different and have unequal opportunities in society (5).

Gender relations have from times immemorial been based on economic, social and political supremacy of the male. Up to a certain point in time gender differences in terms of prestige and power as if determined by inborn qualities were taken for granted. Industrialization eliminated the functional significance of gender differences and questioned their validity in general. Nowadays, due to the emergence and development of gender equality institutions (legislative, structural, and organizational, represented by various social norms that dictate the need for gender education and renunciation of gender stereotypes) women have formally gained equal rights with men. Society has legally sealed and legitimized their equality and seeks to strengthen and develop it in

every way. An overwhelming majority of women are engaged in social production often holding key posts. Today a woman engineer, a woman scientist, or a woman executive is an ordinary phenomenon.

The importance of one of the main factors that made woman subordinate to man — economic dependence — is gradually diminishing. A modern woman often earns as much as (if not more than) a man: as a result a husband in such families is not the main, let alone sole bread-winner (6). And yet the structure of modern society still remains very patriarchal, therefore the problem of gender inequality exists to varying degrees in most countries including the most developed ones. First, the “gender bias” manifests in wage statistics, career growth, and income owing to which women are at a disadvantage compared to men. The statistical and sociological data supports an uncomfortable conclusion that in post-reform Russia gender stereotypes permeate the social fabric (the spheres of employment, politics, family relations, etc.) Gender inequality is even “justified” by the traditional attitudes of Russian society — sexism which assumes man’s superiority over woman.

Not only the types of inequalities rooted in pre-historic times are worth a scientific study — there are also fundamentally new types of social inequalities. Such undoubtedly include digital inequalities arising in the Russian society from the objective and positive process of its turning into an information society or knowledge-based society. This signals a new stage in the development of humanity at which the main value that determines the well-being of individuals and the states is not so much material goods as easily accessible information, or rather, knowledge obtained from it. Four hundred years ago the English philosopher Francis Bacon declared that “knowledge is power”. Today, when the amount of knowledge on the planet doubles every five years, his words are more relevant than ever. In present-day conditions to “possess knowledge” means to be able to quickly pick one’s way in the flood of new information extracting the necessary knowledge from it, and the cost of search for information should not exceed the economic benefits from using it. This is a task that can be accomplished only by computers, these “amplifiers” of human reason and memory, the key instruments for the storage and transmission of data.

The key to success in the information society is access to computer technologies and telecommunications and their correct use. The success depending on a person’s attitude to computer and telecommunications revolution is known as the Digital Divide. It gives rise to the problem of “digital inequality”: the opportunities offered by digital technologies are staggering, but only a small percentage of the Earth’s population can use them to achieve social and economic goals. Thus, in the information society “the digital divide” becomes a key factor that separates the rich and the poor. Back in 1997, the UN Development Program introduced a new dimension of poverty called information poverty, i.e. limited access of the broad social strata to the information. Experts claim that the unprecedented social stratification in Russia has got a new dimension — inequality of access to information technologies, which creates a new marginal strata deprived of access to the communications world. “Digital poverty” deprives millions of Russians of the opportunity to communicate, get an education, medical care and information services.

The information turns from a social good into a private good, and this is an additional factor of instability which is particularly dangerous under the transformations of society. The key risk is that in the “two-tiered” society only part of the population has access to modern technologies, knows how to use them and derive benefits from them. Thus, the social inequalities traditionally manifested in the sharp contrast between the center and the periphery are aggravated by “digital inequality”. The “information luxury” of megalopolises where all modern telecommunications means are available is an opposite of the Russian hinterland which is often totally cut off from all communications. Thus, the territorial factor acquires the status of one of the key factors of information inequality in Russia.

The high level of the socio-economic and other types of inequalities in Russia aggravated by the decline of main development indices undermines the social capital of the Russian society, forms an enduring “culture of inequality” which is marked by a high level of aggression and a low level of cohesion. Challenging modern Russia, putting a brake on systemic modernization and economic development, blocking its transition to the innovation-driven stage, social inequalities deepen the polarization of the society, engender apathy and passivity among social strata prompting the radically-minded members of society to resort to illegitimate forms of protest and political extremism. Moreover, as research and daily practices show, excessive inequalities erode the foundations of social cohesion, create a climate of confrontation and intolerance, impede the achievement of national harmony, create a gap between society and power.

NOTES

- (1) Social differentiation is the division of society into elements that imply delimitation and specialization of the components of social organism, the emergence of new structures, statuses and roles. The term was introduced by Herbert Spencer to describe the emergence of functionally specialized institutions and division of labor.
- (2) Along with official statistics, there are also unofficial data usually obtained by mass surveys. The latter put the decile ratio in 2013 at 28—30 times. In Moscow, the decile ratio in some years reached a staggering 40 times and more.
- (3) The table does not include those who chose the answer “somewhat agree and somewhat disagree” and “hard to say”.
- (4) The gender inequality and the problems it generates were recognized by scholars thanks to the concept of gender introduced in the 1980s as differing from the traditional concept “sex”; it became the foundation of the feminist theory [12].
- (5) Current sociological studies reveal an interesting picture: most respondents define their family as a family with the head not identified. This made demographers introduce a new concept “biarchate”. Unlike matriarchate where the woman was the head of the family and patriarchate with the absolute power of the man we are in a period of an egalitarian family in which the partners — husband and wife — have equal rights.

REFERENCES

- [1] *Belyayeva L.A. Social Stratification and the Middle Class in Russia: 10 Post-Soviet Years.* Moscow: Academia, 2001 (In Russ.).
- [2] *Golenkova Z.T. Transformation of the Social Structure and Stratification of the Russian Society.* Moscow: IS RAS, 2000 (In Russ.).

- [3] *Zaslavskaya T.I.* Societal Transformation of the Russian Society: Activity-Structure Concept. Moscow: Delo, 2003 (In Russ.).
- [4] *Zinenko I., Vlasova I.* Social Inequality in Russia Reaches a New High. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/563868> (In Russ.).
- [5] *Mareeva S.V.* The idea of justice in the portrait of society Russians dream of. What Russians Dream of: Ideal and Reality. Ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir, 2013. Pp. 54—76 (In Russ.).
- [6] *Milovzorov M.A.* The World Turns Bipolar Again. URL: <http://www.utro.ru/articles/2008/04/07/728835.shtml> (In Russ.).
- [7] Modernization of the Social Structure of the Russian Society. Ex. ed. Z.T. Golenkova. Moscow: IS RAS, 2008 (In Russ.).
- [8] *Radayev V.V.* Social Stratification. Moscow: Aspekt Press, 1996 (In Russ.).
- [9] Distribution of Total Volume of Incomes and Characteristics of Differentiation of People's Incomes. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty (In Russ.).
- [10] Russia: the New Social Reality: Rich. Poor. Middle Class. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Nauka, 2004 (In Russ.).
- [11] *Rutkevich M.N.* Social Structure. Moscow: Alfa-M, 2004 (In Russ.).
- [12] *Scott J.* Gender: Useful category for historical analysis. Introduction to Gender Studies. Part II: Anthology. Ed. by S.V. Zherebkin. Kharkov: Kharkov Center for Gender Studies; St. Petersburg: Aleteia, 2001. Pp. 405—436 (In Russ.).
- [13] *Sorokin P.A.* Social stratification and mobility. Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 1992 (In Russ.).
- [14] *Tarlavsky V.* Rich Man, Poor Man. URL: <http://www.eg-online.ru/article/275745> (In Russ.).
- [15] *Tikhonova N.E.* The Russian roller-coaster (changes in the social structure in Russia in the post-Communist period). A Quarter Century after the USSR; People, Society, Reforms. Ed. by E.B. Shestopal, A.Yu. Shutov, V.I. Yakunin. Moscow: Moscow University Press 2015. Pp. 200—233 (In Russ.).
- [16] *Tikhonova N.E.* The Social Structure of Russia: Theories and Reality. Moscow: Noviy Khronograf, 2014 (In Russ.).
- [17] *Shevyakov A.Yu.* Myths and Realities of Social Policy. Moscow: IS RAS, 2011 (In Russ.).
- [18] *Shevyakov A.Yu.* Inequality and the shape of a new state social policy. *Vestnik RAN*. 2008. Vol. 78. No. 4. Pp. 304—331 (In Russ.).
- [19] *Shevyakov A.Yu.* Social policy and reform of distribution relations. *Vestnik RAN*. 2007. Vol. 7. No. 3. Pp. 195—210 (In Russ.).
- [20] *Dahrendorf R.* On the origin of inequality among men. The Logic of Social Hierarchies. Ed. by E.O. Laumann, P.M. Siegel, R.W. Hodge. Chicago, 1971.
- [21] Human Development Index and its Components. Human Development Report 2015: Work for Human Development. URL: <http://report.hdr.undp.org>.
- [22] International Social Survey Program: Social Inequality IV — ISSP 2009. URL: <http://zacad.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zacad.gesis.org/obj/fStudy/ZA540>.